

**НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР**

САРА
ДЭНЗИЛ

**БЕЗМОЛВНОЕ
ДИТЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д25

Sarah A. Denzil
SILENT CHILD

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения автора
и агентства Hershman Rights Management, LLC.

Перевод с английского *Дремина Михаила*

Оформление обложки *Воробьева Александра*

Дензил, Сара.

Д25 Безмолвное дитя : [роман] / Сара Дензил ; [перевод с английского М. Дремина]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-164500-7

Эмма Прайс беспомощно наблюдала, как из реки вылавливают красное пальто ее шестилетнего сына. Это была самая трагическая история того года – маленький мальчик, Эйден, ушел из школы во время ужасного наводнения, упал в реку и утонул. Его тело так и не нашли.

Прошло десять лет, и Эмма наконец вновь обрела радость жизни. Она замужем, беременна и снова полна сил.. Но все меняется, когда Эйден возвращается домой. Живой, но слишком травмированный, чтобы говорить. Только его тело рассказывает историю исчезновения длиной в десять лет. Сломанные кости, следы старых травм лишь мельком показывают ужасы, которые он пережил.

Эйден никогда не тонул. Эйдена держали в плену.

Чтобы найти контакт со своим сыном, Эмма должна разоблачить монстра, который забрал его у нее. Но кто в их крошечной деревне мог быть способен на такое преступление? У Эйдена есть ответы, но сможет ли он найти в себе силы, чтобы рассказать?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-164500-7

© Sarah A. Denzil, 2017
© Дремин М., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается тем,
кто никогда не сдаётся.*

В тот день, когда я потеряла Эйдена, я поняла, что такое лишаться контроля. Мы часто говорим о том, как теряем над собой контроль, перестаём владеть собой, когда выпили, или приняли наркотики, или поддались страсти или гневу. Но всё это не то — я говорю не о простых эмоциях, я имею в виду настоящую и полную потерю контроля, утрату способности управлять своей *жизнью*. А именно это и случилось — моя жизнь стала мне не подвластна. Всё вокруг просто разваливалось на куски, а я была способна лишь стоять и беспомощно наблюдать за происходящим.

Мне не единожды приходилось слышать о том, что управлять можно лишь собой, *своим собственным* поведением в соответствующей ситуации, окружающий же мир находится вне сферы твоего влияния. Тебе неподвластны реакции других людей, ты в силах контролировать лишь свои. И в этом заключается грандиозная драма всей жизни. Сейчас всё может быть замечательно, а уже через мгновение — пойти наперекосяк в силу причудливо сложившихся обстоятельств. Что, спрашивается, остаётся думать, когда у тебя отняли ребёнка?! Клясть судьбу? Бога? Сетовать на злой рок? А жить-то как дальше?!

Судьба была, несомненно, крайне благосклонна ко мне, определяя семью, в которой мне надлежало родиться. Я появилась на свет в обстановке пасторального умиротворения, которая с первых дней жизни внушает тебе: *с тобой никогда не случится ничего плохого*. Пускай грязь конфликтов и насилия наполняет выпуски новостей — в Бишоптауне-на-Узе ничего

подобного быть не может. Наше уютное гнёздышко располагалось посреди масштабных, как на полотнах Джона Констебла, пейзажей с уходящими вдаль изумрудными лугами и каменными стенами, сложенными сухой кладкой. Мы были в безопасности. По крайней мере, я так думала.

Двадцать первого июня 2006-го, в два часа пополудни я нацепила большой непромокаемый плащ, натянула резиновые сапоги и вышла на улицу. В тот день в Бишоптауне-на-Узе началось самое грандиозное с 1857 года наводнение, вызванное сильными ливнями. Коттедж, в котором я жила с родителями и шестилетним сыном Эйденем, располагался на тихой улочке, на некотором удалении от проезжей части, и, выйдя в тот день из дому, я была поражена тем, сколь стремительный поток воды несётся по асфальту. Я никак не ожидала, что вода будет захлёстывать сапоги, а отдельные брызги — долетать почти до пояса. Пульс участился, я разволновалась, представляя, как придётся добираться до школы. Учителя обзвонили всех родителей и попросили забрать детей домой, поскольку крыша здания дала течь, к тому же река Уза вполне могла выйти из берегов. Нас заранее уведомили о надвигающихся проливных дождях, но никто не предполагал наводнения. Дождь шёл стеной, беспощадно заливая мое лицо и колошматя сверху по капюшону походной куртки.

Уза, выписывая змеиные полукольца, прошивала ими наш маленький городок. Можно даже сказать, речка была чересчур велика для него, но оттого не теряла в колорите и живописности видов. В Бишоптауне имелись два паба, мини-гостиница, церковь, школа, а также примерно 400 человек населения, что позволяло нам наслаждаться вторым местом в списке самых малочисленных населённых пунктов Англии и первенствовать по малочисленности в Йоркшире. Никто никогда не уезжал из Бишоптауна, как никому и не приходило в голову перебраться к нам жить, и если какой-нибудь дом выставляли на продажу, то причина могла быть только одна: хозяева отправились в мир иной.

Мы все знали друг друга. Мы вместе росли, вместе проживали жизнь, вместе воспитывали детей. Так что, когда звонил телефон и Эми Перри, учительница начальной школы и одновременно одна из моих старых школьных подруг, попро-

Безмолвное дитя

сила прийти и забрать Эйдена, я сразу поняла, что дело плохо. Если бы всё было в порядке, Эми сама отвела бы детей по домам — вот так мы друг другу доверяли.

Я слышала, как по окнам забарабанил дождь, но на тот момент снова немного выпала из реальности, листая на MySpace фотографии школьных друзей, отучившихся в университете и теперь путешествующих по миру. Мне было двадцать четыре. Я сдавала школьные экзамены с Эйденем в животе, а потом наблюдала за тем, как мои друзья разъезжаются по вузам, строя грандиозные планы, в то время как я по-прежнему жила с родителями. Они покидали наш городок, начиная новую жизнь, а я всё так же глазела из окна своей комнаты на автобусную остановку, положив одну руку на раздувшийся живот. С того момента, нянчась с ребёнком, я много времени — возможно, даже слишком много — проводила в интернете, разыскивая там друзей и рассматривая всё новые их фото то из Таиланда, то из Парижа.

При такой погоде ехать на машине было решительно невозможно, и я решила идти в школу пешком. Из всех членов моей маленькой семьи ближе всё равно никого не было: отец Эйдена, Роб, работал на стройке в окрестностях Йорка*, мои родители тоже были на работе. Все они были сейчас далеко и ввиду разыгравшейся непогоды помочь бы никак не смогли, и я даже не стала им звонить — что толку... В Бишоптауне всё рядом, до школы дойти — буквально десять минут. Правда, здание школы находилось на другом берегу Узы, что меня слегка беспокоило: если ливень и вправду столь силён, как говорили в новостях, река могла выйти из берегов.

Я с трудом шла по дороге сквозь потоки воды, и сердце выстукивало в грудной клетке быстрый ритм. Косые дождевые струи били прямо в лицо, практически не давая открыть глаза. Я склонила голову и вцепилась руками в ремешок сумки, перекинутый через плечо. Рукава промокли насквозь, и руки продрогли до костей.

— Эмма!

Оклик был едва слышен за шумом ливня. Я обернулась и увидела свою подругу Джози, которая махала мне рукой,

---

* Город Йорк — административный центр графства Йоркшир.

спеша вверх по улице в моём направлении. Она работала бухгалтером в маленькой фирме, где я была секретаршей на полставки. Внешний вид её меня всерьёз напугал: вся всклокоченная, в отсутствии зонта мокрые волосы в беспорядке облепили голову, по щекам стекает макияж. На ней не было никакой верхней одежды, и юбка в обтяжку совершенно промокла.

— Господи, Джо! Тебе нужно срочно домой!

— Эмма, я только что ходила на тот берег. Река начала разливаться. Тебе бы тоже надо домой!

— Чёрт. Мне нужно забрать Эйдена из школы.

— Ничего, там он в безопасности, — сказала она. — А вот если наводнение застанет тебя у моста, может смыть. — Она жестом подозвала меня, но я осталась там, где стояла.

— Надо забрать Эйдена, — возразила я, покачав головой. Школа стояла слишком близко к реке, чтобы я была спокойна, оставив шестилетнего ребёнка на попечение учителей. Тем более в каком состоянии скоро окажется школа, если у них уже крыша протекает?!

— Тогда будь осторожна. Я слышала, что помощь идёт, но пока что у реки никого, ни полиции, ни спасателей, а выглядит там всё очень плохо, Эм, правда! По крайней мере, не возвращайся на этот берег, ладно? Посидите в «Белой лошади» или ещё где-нибудь. Возьми себе бокал шардонне, — попыталась пошутить Джози, сооротив гримаску, хотя как по мне, так у неё вышла какая-то нервная полуулыбка. Она и вправду была сильно напугана, что было на неё совсем не похоже.

— Ладно. Давай-ка домой, и сама поосторожнее! Увидимся в офисе, когда эта долбаная свистопляска стихнет! — Настал мой черёд изобразить нервную улыбочку, стараясь не замечать, как противно засосало под ложечкой. Когда мой отец был помоложе, он волонтерствовал в Королевском обществе спасения на водах и не уставал мне повторять: есть в мире одна вещь, с которой точно лучше не связываться, — это море.

Видимо, сегодня на Бишоптаун низверглась частичка этого самого моря. Когда я добралась до моста, от открывшейся картины перехватило дыхание. Джози была права: ещё чуть-чуть, и Уза выйдет из берегов. Обычно спокойная и медлительная, в тот день река вздыбилась и уже плескалась прямо под каменными арками моста. Вода словно карабкалась вверх по

Безмолвное дитя

склонам берегов, пропитывая покрывающую их траву, и кое-где уже сочилась тонкими струйками, убегая от реки в сторону дома моих родителей. Я попятилась и достала мобильный телефон. В школе трубку не брали, что отнюдь не способствовало моему спокойствию, и я позвонила отцу.

— Эмма, ты в порядке? — спросил он. — Я в офисе, и с неба так хлещет, что, боюсь, я тут застрял надолго!

— Да, пап, лучше оставайся там, река может выйти из берегов. — Отец работал инженером-конструктором в строительной компании недалеко от Бишоптауна. — Я иду в школу и буду с Эйденем, пока не прибудет помощь.

— Эмма...

— Я в порядке. Короче, сиди пока на работе, ладно?

— Эмма, мост...

Я с тревогой посмотрела на короткий каменный мост.

— Я уже перешла на другую сторону. Иду по Аккер-Лейн в сторону школы.

Он с облегчением вздохнул:

— Я позвоню маме и велю ей не выходить пока из клиники.

— Хорошо, пап. Люблю тебя.

— И я тебя, детка.

Я знаю, это глупо, но когда я положила трубку, в глазах стояли слёзы. Часы на телефоне показывали 14:10 — за десять минут я прошла лишь половину пути. Нужно было спешить к сыну. Я зашла на мост и постаралась не обращать внимания на уровень воды, надеясь на то, что быстрые размашистые шаги каким-то образом уменьшат грозившую мне опасность.

Вода заливала мост почти по щиколотку. Непонятно было, дождевая ли это вода или речная, или их смесь, ясно было одно: нужно спешить. Не успела я сойти с моста на противоположном берегу, как речная волна посильнее крепко врезалась в мост, выбив из него кучу камней и обрушив секцию прямо у меня под ногами. Я потеряла равновесие, споткнулась и едва не упала вперёд, уронив телефон в воду. Холодная как лёд волна толкнула меня сбоку и, не давая вздохнуть, потянула прямо в бурлящий поток. Словно краб, я сделала максимально широкий шаг вбок, сопротивляясь сильному течению, стремящемуся утащить меня с собой.

К счастью, почва на берегу была достаточно мягкой, илистой, что дало возможность поглубже воткнуть каблук сапога в землю, и тот с чавканьем прочно зафиксировался в ней, позволив мне оттолкнуться и двинуться вперёд, выбираясь на дорогу. На левой ноге сапога уже не было.

Так я и выползла наверх, на дорогу, со сползающим с ноги носком, хватая ртом воздух под стеной дождя. Отойдя на несколько метров от моста, я обернулась и успела заметить, как сапог скрылся под водой. Я постаралась восстановить дыхание, несмотря на то, что промокла насквозь, до нижнего белья. Вместе с сапогом в потоке могла оказаться и вся я, и тогда кто бы позаботился об Эйдене? Нет, домой теперь не попасть, через реку не перейти. Придётся остаться с ним в школе. Какая же я идиотка, что не послушала папино предостережения насчёт воды. В горле возник тугой комок, и я повернулась к реке спиной. Один неверный шаг, и я свалилась бы в воду вместе с тем рассыпавшимся куском моста, телефоном и моим левым сапогом. Одна ошибка — и я бы плыла сейчас где-нибудь на глубине, где течение спокойно, и волосы мои развевались бы в воде вокруг головы, как у сказочной русалки, которой больше не требуется дышать.

Ещё одна мёртвая девушка. Часть статистики трагического наводнения. Эгоистка, которая наврала отцу и оставила шестилетнее дитя без матери. Я тряхнула головой и пошла по Аккер-Лейн, как и сказала папе. Улица с полтора километра шла вдоль реки, а затем сворачивала влево, чтобы ещё через километр подвести к парковке бишоптаунской школы. Подойдя к ней, я увидела, что парковка залита водой, доходящей некоторым машинам до середины колёс. Очень вряд ли, что все эти люди попадут сегодня домой... Я снова двинулась к школе — той самой, где училась сама и где в своё время вырезала на половицах актового зала своё имя, дабы произвести впечатление на Джейми Гловера, мальчика, который несколько лет спустя разбил мне сердце, принявшись целоваться с Фионой Кейтер прямо посреди регбийного поля. Но теперь это, конечно же, школа моего сына, и скоро придёт его черёд царапать своё имя на чём-нибудь деревянном остром конце стрелки от компаса.

Безмолвное дитя

Школа занимала небольшое здание в викторианском стиле, больше подходящее для скромной церквушки. Остроконечная крыша с крутыми скатами и старомодные витражные окна несли в себе изрядную долю готики.

Подтянув насквозь мокрый носок, я подбежала ко входу и влетела внутрь, чуть не сшибив кого-то в дверях. Выпрямившись, я обнаружила перед собой миссис Фитцуильям, занимавшую пост директора ещё со времён моего детства. Рассмотрев меня, она побледнела, отвела взгляд от моих глаз и уставилась куда-то поверх моей головы. В её переменившемся лице читалось нечто такое, от чего душа у меня ухнула в промокшие пятки:

— Что случилось?! — спросила я.

По стене за спиной миссис Фитцуильям стекала струйка дождевой воды. В мои школьные годы мы звали её миссис Фитц. Она всегда была, как говорится, строга, но справедлива, и мы немного побаивались её рыжей шевелюры, которая нынче стала совершенно седой. Она снова посмотрела мне в глаза, и теперь выражение её лица было не столь суровым, а на глазах появились слёзы, отчего сердце у меня снова забилося, норовя выскочить из груди. Я обхватила себя руками, силясь унять тревогу, а сердце остановилось — и снова пошло, будто от разряда дефибрилятора.

— Мисс Прайс... Эмма... Боже, мне так жаль...

Я подалась на шаг вперёд, и она тут же отступила назад: судя по её лицу, вид у меня был устрашающий. Она подняла обе руки и выставила их перед собой ладонями вперёд, будто капитулируя:

— Мы вызвали полицию, они скоро приедут.

— Да вы скажете, что случилось, или нет?! — потребовала я.

— Эйден пропал. Мисс Перри была с детьми в четвёртой аудитории и проверяла всех по списку — нам пришлось собрать там всех второклассников*, потому что с потолка там текло поменьше. И в какой-то момент Эйден сбежал. Мы осмотрели все помещения и думаем, что он ушёл из школы.

---

* Школьное обучение в Англии начинается обычно с 5 лет и длится 13 лет.

Я схватилась за грудь в жалкой попытке сдержать боль, полившуюся из сердца:

— Почему он ушёл?!

— Не знаю, — покачала головой она. — Может быть, ему стало любопытно посмотреть на дождь...

Я вся сразу обмякла, скомкалась, будто бумага. Конечно, ему стало любопытно. Эйдену было интересно всё вокруг, в нём рос настоящий исследователь. Он излазил в парке все деревья, мигом перелезал через деревянные ворота и устремлялся в поле, где паслись коровы, прятался на вересковой пустоши у Бишоптауна и мог часами играть в прятки в ближайшем лесу. Я поощряла в нём всё это, я хотела, чтобы он вырос отважным и решительным. Да, я хотела этого, надеясь, что из него получится сильный мужчина с тягой ко всему новому и неизведанному. Можно сказать, я прививала ему свою неудовлетворённую жажду странствий.

Но я точно не хотела, чтобы она проявлялась вот так. Я не хотела, чтобы он, покинув безопасное место, отправился навстречу приключениям в разгар самого страшного наводнения за последние более чем сто лет.

— Вы всю школу обыскали? — спросила я.

— Ещё продолжаем искать... — ответила она.

— Я с вами.

Остаток дня прошёл как в тумане. Я сама проверила все аудитории и классные комнаты, спотыкаясь о вёдра, подставленные под протечки, и распахивая дверцы шкафов, выкрикивая его имя, пока не нагнала страху на других детей. Но всё было тщетно, в школе Эйдена не было. Я обыскала каждый закуток, каждую щёлку в здании, прочесала парковку и футбольное поле, пока, наконец, Эми не утомонила меня, усадив на стул и подав чашку горячего кофе, приготовленного миссис Фитцуильям.

Полицейские со спасателями явились лишь через несколько часов. Я не заметила, как среди этой кутерьмы на мне оказалась пара сухих ботинок. Эйдена так никто и не нашёл. У властей забот хватало и без этого, спасателям и полиции не хватало рук, и мой малыш, мой бедный мальчик так и остался в списках пропавших без вести.

Безмолвное дитя

Негодую ли я теперь по этому поводу? Ненавижу ли всех тех родителей, чьих детей эвакуировали в безопасное место на лодках и вертолётах, когда Уза разошлась вовсю и накрыла весь наш невеликий городок своими тёмными водами? Нет. Я не могу. Я не способна кидать камни в тех мужчин и женщин, которые без усталости спасали всех, кто был в живых. Но в тот день, наблюдая за суматохой вокруг, за тем, как оставшиеся в школе дети обнимают своих родителей, и за тем, как чуть не утонувших жителей моего родного городка кутают в одеяла и поят горячим чаем, я осознала, что больше не управляю своей жизнью. В тот день вместе с Эйденом я потеряла контроль над своей жизнью, и с его исчезновением я потеряла и самую возможность вернуть себе этот контроль.